

ПОЭТ И ИСТОРИК ЯКОВ ГОРДИН:

«Бродский посмеялся бы над идеей памятника себе»

Мысль о создании музея нобелевского лауреата — писателя Иосифа Бродского витает в воздухе Петербурга уже несколько лет. На стене дома Мурузи, что стоит на пересечении Литейного проспекта и улицы Рылеева, еще не стерлась надпись «Здесь жил Бродский», сделанная кем-то в середине 1980-х годов. Между тем явного прогресса в этом деле не заметно. За разъяснениями корреспондент «Газеты» Гюльра Садых-заде обратилась к близкому другу Бродского — поэту, историку, издателю Якову Гордину.

Вы являетесь главным хранителем наследия Бродского в Петербурге?

Никакой официальной должности хранителя я не занимаю и никогда не занимал. Когда был жив Иосиф и стало возможно публиковать его стихи в России, он просил меня присматривать за их изданием. Я по мере сил этим и занимался. После того как Иосиф умер, все права на наследие Бродского перешли к его наследникам и душеприказчикам. Я в редких случаях выступаю в качестве консультанта.

Какие последние прижизненные издания Бродского вы курировали?

Собрания сочинений. Первое, четырехтомное издание выходило в начале 1990-х годов. Затем мы с Иосифом договорились о публикации второго издания. Ему не очень понравился состав первого тома, в который было включено, по его мнению, слишком много ранних стихов: он просил кое-что убрать. И к тому времени он написал довольно много нового — и эссеистики, и стихов. Семитомник начал выходить еще при его жизни в том же издательстве «Пушкинский фонд». В 1990 году я был в Штатах, мы с Иосифом виделись, созванивались — обсуждали состав собрания.

Проблемы, связанные с сохранением памяти и наследия Бродского в Петербурге, — это установка памятника и создание музея. Какова ваша роль в этих начинаниях?

Я входил в состав экспертного совета, когда проводился конкурс проектов. Но тот, что, по оценкам экспертного совета, набрал наибольшее число очков и, как мне кажется, был самым подходящим, отвергло жюри конкурса, не очень понятное мне по составу. С проектом, отобранным жюри, возникли сложности. Автор задумал нечто нефигуративное: памятник в виде лестницы, врезанной в набережную Невы, и на стенах этого спуска выбиты стихи. Думали устроить новый спуск в районе Академии художеств. Но оказалось, что гранитные набережные Невы — это памятники архитектуры, находящиеся под охраной ЮНЕСКО, ничего менять в них нельзя.

На конкурс были представлены и другие, довольно талантливые работы. Но как только авторы пытались придумать нечто традиционное с фигурой Бродского — печальной, веселой или поданной в романтическом ключе, — тут же появлялась всякая-то фальшь, напыщенность, все выглядело как памятник старому еврею. А проект, отобранный эксперт-

ным советом, представлял собою столб, увенчанный венецианским львом. Бродский любил Венецию, носил на лацкане пиджака значок с этим львом. И вообще, лев с книгой — это довольно мощный поэтический символ, очень подходящий к случаю. Предполагалось установить памятник в маленьком скверике на углу, почти напротив окон его комнаты, поблизости от Преображенского собора. На этом клочке зелени столб со львом, книгой и надписью «Памяти Бродского» смотрелся бы вполне уместно. Но я вообще не сторонник памятников поэтам. Да и сам Бродский, думаю, долго бы смеялся, узнав об этой идее. Но если уж ставить памятный знак, то скромный, без нарочитого пафоса.

А как обстоят дела с музеем Бродского?

Обычно я скептически отношусь к разного рода мемориальным музеям — не люблю имитаций, а среди мемориальных музеев их достаточно много. Однако с музеем Бродского все честно: сохранились подлинные вещи Иосифа, мебель, книги. Мы можем воссоздать жилище Бродского таким, каким оно было при нем. Когда Иосиф улетал, мы провожали его в аэропорт. Потом вернулись в квартиру, и Михаил Исаевич Мильчик сфотографировал буквально по сантиметру его комнату. По просьбе отца поэта, Александра Ивановича, я забрал к себе мебель, она долго стояла у меня. Взял архив Бродского, его библиотеку. Книг было немного: шкаф и полка над письменным столом. Общая наша приятельница Татьяна Никольская в свое время переписала порядок книг на полках, так что сейчас их можно поставить точно так же, как они стояли при Бродском.

Бродский был настолько педантичен, что никогда не нарушал этот порядок?

Коррекция бывала незначительна. Любимые его предметы, обычно

разложенные на письменном столе, разошлись по друзьям, но их можно собрать. Частично они уже собраны. Кое-что в свое время было отправлено разными путями ему в Америку. Но недавно я был в Милане и встречался там с Марией, вдовой Иосифа. Дал ей список вещей, которые были в свое время переправлены ему. Она обещала рассмотреть список и кое-что отдать в музей. Позже я рассудил, что страшновато хранить вещи Иосифа у себя в доме: мало ли что, пожар случится или наводнение. И отдал мебель на хранение в музей города. Библиотека, картинки, открытки хранятся в музее Ахматовой. Кресло Иосифа взял к себе наш общий приятель Михаил Петров, но потом он его тоже отдал — в музей Ахматовой. Мебели, собственно, было немного: ну сколько может поместиться в шестиметровом закутке? Сама комната была больше, но разделялась пополам перегородкой. Во второй половине размещалась фотолаборатория Александра Ивановича. Мы с Иосифом как-то в конце 1980-х созвонились и решили, что архив я отдам в Публичную библиотеку. Архив разобран и доступен для исследования. Он довольно обширен: огромное количество бумаг, писем, черновиков.

Бродский любил писать письма?

Да. Правда, когда писал от руки, их было трудно читать — у Бродского был чудовищный почерк. В основном он печатал письма на машинке «Колибри», и в архиве писем очень много — не столько его, сколько к нему.

Приблизительно через год Бродский прислал письмо, которое я передал в Публичную библиотеку, — в нем он просил разделить архив пополам. Творческая часть по его желанию была открыта для исследователей: черновики, тексты стихотворений, какие-то документы. Личную же часть архива — письма и дневники — он закрыл на 50 лет. И это соблюдается.

В Нью-Йорке образован Фонд наследственного имущества Бродского, который и управляет наследием. Фактически этим занимается его душеприказчица Энн Шеллберг. Мария меньше с этим связана, как я понимаю, хотя ее слово очень весомо. Она сама служит, воспитывает дочь, сейчас у нее тяжело болен отец. Марию приглашали приехать в Петербург на исходе прошлого года, потому что Бродскому хотели посмертно присудить премию «Балтийская звезда» за вклад в культуру. Получать премию и все знаки и дипломы должен кто-то из близких людей. Мария не смогла приехать. А там было два кандидата, набравших приблизительно равное число голосов, — Бродский и Лихачев. Так что Бродского решили премировать в следующем году.

А сейчас сотрудники музея Ахматовой разрабатывают концепцию будущего музея. Финансирует эту работу администрация Петербурга.

Очевидно, музей Бродского станет филиалом музея Ахматовой, самостоятельно ему будет существовать довольно сложно: музей — это ведь не только материальное пространство. И он замысливался не только как музей Бродского, мы думали о создании музея неконформистской культуры Петербурга 1950–1960-х годов.

В 1950-е годы неконформистской культуры еще не было.

Как сказать — Бродский начал писать стихи, как и ваш покорный слуга, в 1957 году. Тогда уже существовал некий круг людей-единомышленников.

Но вы сами разве осознавали себя неконформистами в те годы, становились в открытую оппозицию к власти?

Иосиф — в большей степени, я — в меньшей. Мы не считали себя людьми, встроенными в советскую систему, это было чужое. В конце 1950-х годов сложился круг людей, некоторые живут сегодня здесь, кто-

то умер, кто-то уехал за границу, но вместе мы образовывали вполне выраженный слой неконформистской культуры. Без крайних ее проявлений, конечно. Но и психологически, и творчески мы не принадлежали системе. У Иосифа это ощущение «вне системы» было особенно ярко выражено. Очевидно, потому, что у него все было ярче выражено, чем у остальных.

Он был экспансивным?

Даже очень. Я писал об этом. У меня есть книжка, называется «Перекличка во мраке». В первой ее части я пишу о русских поэтах и философах периода красного террора, с 1917 по 1922 год. А вторая часть посвящена 1950–1960-м годам, и Иосиф — один из основных персонажей.

В коммунальной квартире, где жила семья Бродских, выкуплены пока лишь три комнаты из пяти?

Да, не выкуплена комната Бродского, к сожалению. Владелец комнаты требует за нее совершенно немислимые деньги, понимая, что без этой комнаты музей не может состояться. Сейчас, правда, скопились средства на счете Фонда музея Бродского. Но мы не можем пустить все деньги только на выкуп комнаты Бродского: надо выкупать еще одну комнату, оставить кое-что на ремонт и устройство музея.

Я слышала, что на дом Мурузи есть поползновения со стороны инвесторов-застройщиков.

Стену дома Мурузи подпирали соседний дом. Его разрушили, но вряд ли это повредит дому Мурузи. И я не думаю, что инвесторы захотят его выкупить: он гигантский, для его расселения и капремонта нужны колоссальные средства. Так что, надеюсь, дому Мурузи ничего не грозит. Но вообще нужно помнить, что создание музея — это долгий процесс. **ГАЗЕТА**